

О НИХ СЛАГАЮТ ЛЕГЕНДЫ. Пять профессий Севы Новгородцева

Не одно поколение наших меломанов было воспитано, вскормлено и возвращено на тучных нивах "Рок-посевов" английской радиостанции Би-би-си, главным сеятелем, пахарем и жнецом которых с 1977 г. был и остается 55-летний ныне Всеволод Борисович Новгородцев (Левенштейн). В годы застоя его еженедельная получасовая программа была чуть ли не единственным источником музыкальной информации "с того берега", которую наши родные отечественные спецслужбы, не жалея средств и энтузиазма, яростно глушили, думая, что таким образом они препятствуют ее тлетворному влиянию на неокрепшие молодежные мозги. Сегодня Сева уже не ограничивается одними радиодиверсиями - он начинает выпускать многотомник своих "Рок-посевов" и задумывает издание специализированного музыкального журнала, который будет называться просто: "О!".

ДИВЕРСАНТ

- В свое время ваши музыкальные передачи на Би-би-си расценивались как "западная диверсия". Выпуск нового журнала "О!" - это тоже своеобразная диверсия?

- Диверсии я прекратил, как только началась перестройка и появилась обратная связь. Тогда уже своей задачей я видел информировать и развлекать людей. Вот этим я теперь и занимаюсь. Журнал - это выход на следующий уровень. Естественно, чтобы создать такой журнал, нужны опыт и квалификация. Так вот, та группа в Лондоне, которая будет выпускать журнал, опыт имеет немалый. Все занимались или занимаются этим делом уже 15 - 20 лет, и лучше их не найдешь.

- У нас продается много западных музыкальных изданий. Не будете ли вы дублировать друг друга?

- Очень сложно перенести всю ту реальность, которая присутствует в этих журналах, на почву России. Как-то я встречался с издателями английского журнала "Q", они очень заинтересованы в российском рынке, но коленки у них трясутся. Все дело в том, что, если дословно перевести журнал "Q" на русский язык, никто ничего не поймет! У них же там свои шутки, имена, цитаты. У нас общий культурный фонд, а врубиться в их национальные штучки нам совершенно не по силам. Я живу в Англии уже двадцать лет и только сейчас начал постигать язык детских книжек. Мы все начинали с Шекспира, а целый пласт литературы с какими-то неизвестными нам героями остается неосвоенным.

- А вы не чувствуете себя оторванным от российской действительности сейчас, после двадцати лет эмиграции?

- Конечно, чувствую. Поэтому в работе с журналом я опираюсь на людей, которые живут здесь и знают, что тут творится. Они будут нас корректировать, сами писать в журнал. Но с другой стороны, они ведь совершенно не понимают, что происходит за рубежом. На самом деле Запад движется совсем не в том направлении, о котором думают в России. Мы все думаем, что там секс, насилие и музыка в стиле хэви-метал. А люди вокруг меня занимаются ароматерапией, регрессией в прошлые жизни и празднованием, понимаете ли, летних солнцестояний на языческих стойбищах. Запад движется в сторону экологии, в сторону возврата к корням.

ШТУРМАН

- Как вы оказались за границей?

- Я отъезду сопротивлялся всю жизнь. Когда я работал штурманом в эстонском пароходстве, то, возвращаясь из заграничных плаваний, думал, что никогда не поеду жить за границу. Потому что уже тогда я знал, что российский человек на Западе всегда остается во втором классе. Кроме того, я вырос в Эстонии, фактически в эмиграции. У меня были там и приятели, и подруги, но языковой барьер существовал всегда. Я хотел, как таракан, забиться в щель, играть на своем саксофоне...

- Откуда взялась фамилия Новгородцев, если на самом деле вы Левенштейн?

- Фамилия Новгородцев у меня появилась, как только я вышел на сцену в составе группы "Добры молодцы". Представьте: мы выходим на сцену, и конферансье объявляет: "А сейчас выступает ансамбль "Добры молодцы". Руководитель - Всеволод Левенштейн!" И по залу сразу: "Ш-ш-ш!" У меня на пароходе был помполит, веселый мужик по фамилии Новгородцев. К тому времени он умер, а детей у него не было. Я сохранил о нем самую светлую память и решил взять его фамилию, тем более что одна из моих фамильных ветвей из Новгорода. Так я и стал его приемным сыном.

МУЗЫКАНТ

- Когда вы стали профессиональным музыкантом?

- Начинал я работать году этак в 1963-м, тогда играл на саксофоне с каким-то певцом в Ленконцерте, потом - в известном оркестре Вайнштейна, и уже затем - в "Добрых молодцах". Все это продолжалось до 1974 года, когда у нас возникли сложности с Министерством культуры, потому что мы были гитарной группой западного толка, но Росконцерту были нужны, так как мы им деньги зарабатывали, поэтому оказались между молотом и наковальней. Потом случился скандал с партийными властями в Южно-Сахалинске, там написали телегу в министерство, и в Росконцерте сказали, что они вынуждены принимать меры. Тогда-то и начал сидеть.

В то время я начал голодать по системе йогов и на шестнадцатый день голодания вдруг неожиданно почувствовал, что мне необходимо из этой страны сваливать. И потом жена меня добила на эмиграцию. Из Израиля пришли визы, я ведь по отцу еврей, хотя мать русская, да я и по характеру русский. Поэтому ни в какой Израиль не поехал. А когда уезжал, мне пришлось фамилию вновь возвращать. Теперь вот живу под двойной фамилией, у меня даже две кредитные карточки на разные фамилии.

РАДИОВЕЩАТЕЛЬ

- А как вы попали на радио?

- Случайно. Из Союза мы отправились в Австрию, потом в Италию, где я записался штурманом в Канаду. Сейчас, может быть, на буксире капитаном был бы... В Италию приехал человек с Би-би-си мать разыскивать, и этим человеком неожиданно оказался Алексей Леонидов (ведущий джазовой программы на Би-би-си), а он меня знал как джазового музыканта. Вот он-то и пригласил работать на радио. Я поступил на работу на радио на общих основаниях, по конкурсу. Сперва работа была такая: берешь телетайпную ленту, печатаешь на машинке и выдаешь это все в эфир. На Би-би-си не было разделения на должности: сегодня ты ведущий, завтра - продюсер, послезавтра - еще кто-то, все взаимозаменяемы. Так продолжалось месяца два-три, а потом в один прекрасный день начальница вызвала меня и говорит: вот вы, мол, были раньше музыкантом, давайте вместе с Сэмом Джонсом делать музыкальную программу. Я согласился, а потом Сэм Джонс уехал в Америку, сказав, что ему надоела нищенская жизнь на Би-би-си.

- Нищенская жизнь?

- Я пришел на радио на 4,5 тыс. фунтов в год, это чуть выше секретарши, такой, знаете ли, менеджмент ниже среднего. Десять лет назад я оттуда ушел, но у меня до сих пор с ними контракт. Они его каждый год продляют. Сейчас у меня получается где-то 35 - 40 тыс. долларов годовых, что по американским масштабам, в общем, немного.

КИНОАКТЕР

- Поэтому вы время от времени подрабатывали в кино?

- Ну там была пара фильмов про Джеймса Бонда, и кроме этого десятки телефильмов местного значения, которые никому здесь не известны, я там всегда играл каких-то русских. Ну а что касается Агента 007, то там вы все меня, наверное, видели. В фильме "Вид на убийство", помните, был такой вертолетчик, который охотился на Джеймса Бонда. Ну а в "Шпионы, как и мы" были два таджикских пограничника. Так вот один "таджик" - это я, а второй - известный французский кинорежиссер Коста-Гаврас, который открыл Ива Монтана. Такие вот навороты там случаются сплошь и рядом.